

# 1001 ночь.

## Сказка о Хасане басрийском

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 778-786](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 787-795](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 796-804](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 805-813](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 814-822](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 823-831](#)

Семьсот восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан увидел, как девушки вышли из пруда, и старшая из них захватила его ум своей красотой и прелестью, он произнес эти стихи. А девушки, надев свои платья, сели и стали беседовать и пересмеиваться, а Хасан стоял и смотрел на них, погруженный в море страсти, и блуждал в долине размышлений и говорил про себя: "Клянусь Аллахом, моя сестра сказала мне: "Не открывай этой двери", только из-за этих девушек, боясь, что я привяжусь к одной из них".

И он принялся смотреть на прелести старшей девушки, а она была прекраснее всего, что создал Аллах в ее время, и превзошла красотой всех людей. Ее рот был подобен печати Сулеймана [617], а волосы были чернее, чем ночь разлуки для огорченного и влюбленного, а лоб был подобен новой луне в праздник Рамадана, и глаза напоминали глаза газели, а нос у нее был с горбинкой, яркой белизны, и щеки напоминали цветы анемона, и уста были подобны кораллам, а зубы – жемчугу, нанизанному в ожерельях самородного золота. Ее шея, подобная слитку серебра, возвышалась над станом, похожим на ветвь ивы, и животом со складками и уголками, при виде которого дуреет влюбленный, взволнованный и пупком, вмещающим унцию мускуса наилучшего качества, и бедрами – толстыми и жирными, подобными мраморным столбам или двум подушкам, набитым перьями страусов, а между ними была вещь, точно самый большой холм или заяц с обрубленными ушами, и были у нее крыши и углы. И эта девушка превосходила красотой и стройностью ветвь ивы и трость камыша и была такова, как сказал о ней поэт, любовью взволнованный:

Вот девушка, чья слюна походит на сладкий мед,

А взоры ее острей, чем Индии острый меч.

Движенья ее смущают ивы ветвь гибкую,

Улыбка, как молния, блистает из уст ее.

Я с розой расцветшею ланиты ее сравнил,

И молвила, отвернувшись: "С розой равняет кто?

С гранатами грудь мою сравнил, не смущаясь, он:

Откуда же у гранатов ветви, как грудь моя?

Клянусь моей прелестью, очами и сердцем я,

И раем сближенья, и разлуки со мной огнем

Когда он к сравнениям вернется, лишу его

Услады я близости и гнева огнем сожгу.

Они говорят: "В саду есть розы, но нет среди них

Ланиты моей, и ветвь на стан не похожа мой".

Коль есть у него в саду подобная мне во всем,

Чего же приходит он искать у меня тогда?"

И девушки продолжали смеяться и играть, а Хасан стоял на ногах и смотрел на них, позабыв об еде и питье, пока не приблизилось время предвечерней молитвы, и тогда старшая девушка сказала своим подругам: "О дочери царей, уже накучило оставаться здесь. Поднимайтесь же, и отправимся в наши места". И все девушки встали и надели одежды из перьев, и когда они завернулись в свои одежды, они стали птицами, как раньше, и все они полетели вместе, и старшая девушка летела посреди них. И Хасан потерял надежду, что они вернутся, и хотел встать и уйти, но не мог встать, и слезы потекли по его щекам. И усилилась его страсть, и он произнес такие стихи:

"Лишусь я пусть верности в обетах, коль после вас

Узнаю, как сладок сон и что он такое.

И глаз не сомкну я пусть, когда вас со мною нет.

И после отъезда пусть не мил будет отдых.

Мне грезится, когда сплю, что вижу опять я вас,

О, если бы грезы сна для нас были явью!

Поистине, я люблю, когда и не нужно, спать

Быть может, во сне я вас, любимые, встречу".

И потом Хасан прошел немного, не находя дороги, и спустился вниз во дворец. И он полз до тех пор, пока не достиг дверей комнаты, и вошел туда и запер ее и лег, больной, и не ел и не пил, погруженный в море размышлений, и плакал и рыдал над собой до утра, а когда наступило утро, он произнес такие стихи:

## Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"И вот улетели птицы вечером, снявшись,

А умер кто от любви, в том нет прегрешенья.

Я буду скрывать любовь, пока я смогу скрывать,

Но коль одолеет страсть, ее открывают.

Пришел ко мне призрак той, кто видом всем схож с зарей,

У ночи моей любви не будет рассвета.

Я плачу о них, и спят свободные от любви,

И ветер любви теперь со мною играет,

Я отдал слезу мою, и деньги, и душу всю,

И разум, и весь мой дух, – а в щедрости прибыль.

Ужаснейшей из всех бед и горестей нахожу

Я милой красавицы враждебность и злобу,

Он говорит: "Любовь к прекрасным запрещена,

А кровь тех, кто любит их, пролить не запрещено"

Что делать, как не отдать души изнуренному

Отдаст он ее в любви, – любовь – только шутка.

Кричу от волнения и страсти к любимой я

Ведь истинно любящий на плач лишь способен"

А когда взошло солнце, он отпер дверь комнаты и пошел в то место, где был раньше, и сидел напротив той залы, пока не пришла ночь, но ни одна птица не прилетела, и Хасан сидел и ждал их. И он плакал сильным плачем, пока его не покрыло беспамятство, и тогда он упал на землю, растянувшись, а придя в себя после обморока, он пополз и спустился вниз, и пришла ночь, и сделался весь мир для него тесен.

И Хасан плакал и рыдал над собою всю ночь, пока не наступило утро и не взошло солнце над холмами и долинами, и он не ел, не пил и не спал и не находил покоя.

И днем он был в смятении, а ночь проводил в бденье, ошеломленный, пьяный от размышлений и от сильной страсти, охватившей его, и произносил такие слова поэта, любовью взволнованного:

"О ты, что смущаешь солнце светлое на заре

И ветви позор несешь, хоть ей то неведомо,

Узнать бы, позволит ли, чтоб ты возвратилась, рок,

Погаснет ли тот огонь, что пышет в моей груди?

И сблизят ли нас при встрече страсти объятия,

Прильну ли щекой к щеке и грудью к груди твоей?

Кто это сказал: "В любви усладу находим мы"

В любви ведь бывают дни, что горше, чем мирры сок..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан–ювелир, когда ею страсть усилилась, произнес эти стихи, будучи один во дворце, и не находил никого, кто бы его развлек. И когда он был в муках волнения, вдруг поднялась из пустыня пыль, и Хасан побежал вниз и спрятался, и понял он, что хозяева дворца вернулись. И прошло не более часа, и воины спешили и окружили дворец, и семь девушек тоже спешили и вошли во дворец и сняли оружие и бывшие на них боевые доспехи, а что касается до младшей девушки, сестры Хасана, то она не сняла с себя боевых доспехов, а вошла в комнату Хасана и не нашла его. И она стала его искать и нашла его в одной из комнат, больного и исхудавшего, и тело его утомилось, и кости его стали тонки, и цвет его лица пожелтел, и глаза его провалились на лице, от скудости пищи и питья и от обилия слез из–за его привязанности к той девушке и его любви к ней.

И когда его сестра–джинния увидела, что он в таком состоянии, она была ошеломлена, и ее рассудок исчез. Она спросила Хасана, каково ему, что с ним и что его поразило, и сказала ему: "Расскажи мне, о брат мой, чтобы я ухитрилась снять с тебя твои страдания и была за тебя выкупом". И Хасан горько заплакал и произнес:

"Влюбленному, коль его оставит любимая,

Останутся только скорбь и муки ужасные.

Снаружи его – тоска, внутри его – злой недуг,

Вначале он говорит о ней, в конце – думает".

И когда услышала это сестра Хасана, она удивилась ясности его речи и красноречью его слов и тому, как он хорошо сказал и ответил ей стихами, и спросила его: "О брат мой, когда ты впал в это дело, в которое ты впал, и когда это с тобой случилось? Я вижу, что ты говоришь стихами и льешь обильные слезы. Заклинаю тебя Аллахом, о брат мой, и святостью любви, которая между нами: расскажи мне о твоём

## Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

положении и сообщи мне твою тайну и не скрывай от меня ничего, что с тобою случилось в наше отсутствие. Моя грудь стеснилась, и жизнь моя замутилась из-за тебя".

И Хасан вздохнул и пролил слезы, подобные дождю, и воскликнул: "Я боюсь, о сестрица, что, если я тебе расскажу, ты мне не поможешь в том, к чему я стремлюсь, и оставишь меня умирать в тоске с моей горестью". "Нет, клянусь Аллахом, о брат мой, я не отступлюсь от тебя, даже если пропадет моя душа", – ответила девушка. И Хасан рассказал ей, что с ним случилось и что он увидел, когда отпер дверь, и поведал ей, что причина несчастья и беды – его страсть к девушке, которую он увидел, и любовь к ней и что он десять дней не пробовал ни пищи, ни питья. И потом он горько заплакал и произнес такие два стиха:

"Верните сердце, как было прежде, телу вы,

И дремоту глазу, потом меня оставьте вы"

Или скажете, изменила ночь мой обет в любви?

"Пусть не будет тех, кто меняется!" – я отвечу вам".

И сестра Хасана заплакала из-за его плача и пожалела его из-за его страсти и сжалилась над изгнанником и сказала: "О брат мой, успокой свою душу и прохладя глаза. Я подвергну себя опасности, вместе с тобою, и отдам душу, чтобы тебя удовлетворить. Я придумаю для тебя хитрость, даже если будет в ней гибель моих драгоценностей и моей души, и исполню твое желание, если захочет Аллах великий. Но я наказываю тебе, о брат мой, скрывать тайну от моих сестер. Не показывай твоего состояния ни одной из них, чтобы не пропала моя и твоя душа, и если они тебя спросят, открывал ли ты дверь, скажи им: "Я не открывал ее никогда, но мое сердце занято из-за вашего отсутствия и моей тоски по вас и оттого, что я сидел во дворце один". – "Хорошо, так и будет правильно!" – воскликнул Хасан.

И он поцеловал девушку в голову, и успокоилось его сердце, и расправилась у него грудь, так как он боялся своей сестры, потому что открыл дверь, а теперь душа к нему вернулась после того, как он был близок к гибели от сильного страха. И он попросил у сестры чего-нибудь поесть, и она поднялась и вышла от него и вошла к своим сестрам, печальная, плача о Хасане. И сестры спросили ее, что с ней, и она сказала им, что ее ум занят мыслью о ее брате и что он болен и вот уже десять дней, как к нему в живот не опускалось никакой пищи. И сестры спросили ее о причине его болезни, и она ответила: "Причина ее – наше отсутствие и то, что мы заставили его тосковать эти дни, когда мы отсутствовали, тянулись для него дольше, чем тысяча лет, и ему простительно, так как он на чужбине и одинок, а мы оставили его одного, и не было у него никого, кто бы его развлек и успокоил бы его душу. Он, при всех обстоятельствах, юноша и еще мал, и, может быть, он вспомнил родных и мать – а она женщина старая – и подумал, что она плачет о нем в часы ночи и части дня и постоянно о нем печалится, а мы его утешали своей дружбой".

И, услышав слова девушки, ее сестры заплакали от сильной печали о Хасане и сказали: "Клянемся Аллахом, ему простительно!" И они вышли к воинам и отпустили их, и вошли к Хасану, и пожелали ему мира, и увидели, что его прелести изменились и цвет его лица пожелтел и исхудало его тело. И они заплакали от жалости к нему и сели подле него и стали его развлекать и успокаивать его сердце разговором и рассказали ему обо всем, что видели из чудес и диковинок, и о том, что произошло у жениха с невестой, и оставались с ним в течение целого месяца, развлекая его и уговаривая, но его болезнь каждый день усиливалась, и всякий раз, как девушки его видели в таком состоянии, они плакали о нем сильным плачем, и больше всех плакала младшая девушка.

А через месяц девушкам захотелось поехать на охоту и ловлю, и они решили это сделать и попросили свою младшую сестру поехать с ними, но она сказала им: "Клянусь Аллахом, о сестрицы, я не могу с вами поехать, когда мой брат в таком состоянии, и пока он не поправится и не пройдут его страдания, я лучше буду сидеть подле него и развлекать его". И, услышав слова девушки, ее сестры поблагодарили ее за ее благородство и сказали ей: "За все, что ты сделала с этим чужеземцем, ты получишь небесную награду". И они оставили девушку подле Хасана во дворце, и выехали, взяв с собой пищи на двадцать дней..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят девятая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда девушки выехали и отправились на охоту и ловлю, они оставили свою младшую сестру сидеть подле Хасана во дворце. И когда они отдалились от дворца и их сестра поняла, что они проехали далекое расстояние, она обратилась к своему брату и сказала ему: "О брат мой, поднимайся, покажи мне место, где ты видел этих девушек". И Хасан воскликнул: "Во имя Аллаха! На голове!" – и обрадовался ее словам и убедился, что достигнет цели своих стремлений.

И он хотел подняться и показать девушке это место, но не мог ходить. И тогда она понесла его в объятиях и принесла туда и открыла дверь к лестнице, и поднялась с ним в верхнюю часть дворца. И, оказавшись наверху, Хасан показал своей сестре то место, где он видел девушек, и показал ей комнату и пруд с водой. И сестра его сказала: "Опиши мне, о брат мой, их вид и как они прилетели". И Хасан описал ей все, что видел, и в особенности ту девушку, в которую он влюбился.

И когда его сестра услышала описание этой девушки, она узнала ее, и ее лицо пожелтело, и состояние ее изменилось. "О сестрица, твое лицо пожелтело и состояние твое изменилось", – сказал Хасан. И его сестра воскликнула: "О брат мой, знай, что эта девушка – дочь царя из царей джиннов, высоких саном. И ее отец властвует над людьми, и джиннами, и колдунами, и кудесниками, и племенами, и помощниками, и климатами, и странами, и многими островами и великими богатствами. Наш отец – наместник из числа его наместников, и никто не может одолеть его из-за многочисленности его войск, обширности его царства и обилия его богатства. И он отвел своим дочерям – девушкам, которых ты видел, – пространство в целый год пути в длину и в ширину, и окружает эту область река, охватывающая ее со всех сторон, и не может добраться до этого места никто, ни люди, ни джинны. И у этого царя есть войско из девушек, которые бьют мечами и разят копьями – их двадцать пять тысяч, – и каждая из них, когда сядет на коня и наденет боевые доспехи, устоит против тысячи всадников из числа доблестных. И есть у него семь дочерей, у которых храбрости и доблести столько же, как у их сверстниц, и даже больше. Он вручил власть над областью, о которой я тебя осведомила, своей старшей дочери, а она старше всех своих сестер, и ее храбрость, доблесть, коварство, Злокозненность и колдовство таковы, что она одолевает всех обитателей своего царства. Что же касается девушек, которые были с ней, то это вельможи ее правления и ее помощницы, приближенные в царстве, и шуры с перьями, в которых они летают, – изделие колдунов из джиннов. И если ты хочешь овладеть этой девушкой и жениться на ней, сядь здесь и жди ее: они прилетают сюда в начале каждого месяца. А когда увидишь, что они прилетели, спрячься и берегись показаться – иначе мы все пропадем. Узнай же, что я тебе скажу, и сохрани эго к уме. Сядь в месте, которое будет к ним близко, чтобы ты их видел, а они тебя не видели, и когда они снимут с себя одежду, брось взгляд на одежду из перьев, принадлежащую старшей, которую ты желаешь, и возьми ее, но не бери ничего другого, – эта одежда и доставляет девушку в ее страну, и когда ты ею овладеешь, ты овладеешь и девушкой. Но берегись, чтобы она тебя не обманула, и если она тебе скажет: "О тот, кто украл мою одежду, верни мне ее! Вот я подле тебя, перед тобою и в твоей власти", – и ты отдашь ей одежду, то она убьет тебя и обрушит на нас дворцы и убьет нашего отца. Знай же, каково будет твое положение! И когда ее сестры увидят, что ее одежда украдена, они улетят и оставят ее сидеть одну, и тогда подойди к пей, схвати ее за волосы и потяни, и, когда ты ее потянешь, ты завладеешь ею, и она окажется в твоей власти. И после этого береги одежду из перьев, – пока она будет у тебя, девушка останется в твоей власти и у тебя в плену, так как она может улететь в свою страну только в этой одежде. А когда ты захватишь девушку, понеси ее и пойди с ней в твою комнату и не показывай ей, что ты взял ее одежду".

И когда Хасан услышал слова своей сестры, его сердце успокоилось, и его страх утих, и прошли его страдания. И он поднялся на ноги и поцеловал свою сестру в голову и потом вышел и спустился из верхней части дворца, вместе со своей сестрой, и они проспали ночь, и Хасан боролся со своей душой, пока не наступило утро. А когда взошло солнце, он поднялся и открыл ту дверь и вышел наверх и сел, и сидел до времени ужина, и сестра принесла ему наверх поесть и попить и переменяла на нем одежду, и он лег спать. И его сестра поступала с ним так каждый день, пока не начался новый месяц, и, увидав молодую луну, Хасан принялся поджидать девушек.

## Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда это было так, они вдруг подлетели к нему, как молния, и, заметив их, Хасан спрятался в такое место, что он их видел, а они его не видели. И птицы опустились, и каждая из них села, и они сняли с себя одежду так же, как и та девушка, которую любил Хасан (а это было в месте близком от него), и потом она вошла в пруд, вместе со своими сестрами. И тут Хасан поднялся и пошел, понемногу–понемногу, прячась, и Аллах покрыл его, и он взял одежду, так что ни одна из девушек его не видела, и все они играли друг с другом и смеялись. А окончив играть, они вышли, и каждая из них надела свою одежду из перьев, и пришла возлюбленная Хасана, чтобы надеть свою одежду, и не нашла ее. И она стала кричать и бить себя по лицу и разорвала на себе нижнюю одежду, и ее сестры подошли к ней и спросили, что с ней, и она рассказала им, что ее одежда из перьев пропала, и они стали плакать и кричать и бить себя по липу.

А когда наступила над ними ночь, они не могли оставаться с нею и оставили ее в верхней части дворца..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот девяноста

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот девяноста, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан взял одежду девушки, она стала ее искать и не нашла, и ее сестры улетели и оставили ее одну. И когда Хасан увидел, что они улетели и скрылись от нее и исчезли из глаз, он прислушался и услышал, что девушка говорит: "О тот, кто взял мою одежду и оставил меня нагою! Прошу тебя, верни ее мне и прикрой мою срамоту. Да не даст тебе Аллах вкусить мою печаль!"

И когда Хасан услышал от нее такие слова, ум его был похищен страстью к девушке и усилилась его любовь к ней. И он не смог утерпеть и поднялся с места и побежал и бросился на девушку и схватил ее и потащил и спустился с ней вниз, и он принес ее к себе в комнату и набросил на нее свой плащ, а девушка плакала и кусала себе руки. И Хасан запер ее и пошел к своей сестре и осведомил ее о том, что получил девушку, завладел ею и снес ее вниз, в свою комнату, и сказал: "Она теперь сидит и плачет и кусает себе руки".

И, услышав слова Хасана, его сестра поднялась и пошла в комнату и, войдя к девушке, увидела, что она плачет и опечалена. И сестра Хасана поцеловала перед ней землю и приветствовала ее, и девушка сказала: "О царевна, разве делают люди, подобные вам, такие скверные дела с дочерьми царей? Ты ведь знаешь, что мой отец – великий царь и что все цари джиннов его боятся и страшатся его ярости, у него столько колдунов, мудрецов, кудесников, шайтанов и маридов, что не справиться с ними никому, и подвластны ему твари, числа которых не знает никто, кроме Аллаха. Как это подобает вам, о царские дочери, давать у себя приют мужчинам из людей и осведомлять их о наших обстоятельствах и ваших обстоятельствах. А иначе, откуда добрался бы до нас этот человек?" – "О царевна, – ответила сестра Хасана, – этот человек совершенен в благородстве и не стремится он к делу дурному. Он только любит тебя, и женщины сотворены лишь для мужчин. Если бы он не любил тебя, он бы из–за тебя не заболел, и его душа едва не покинула его тела из–за любви к тебе".

И она передала ей обо всем, что рассказал ей Хасан о своей страсти, и о том, что делали девушки, летая и умываясь, и из них всех ему никто не понравился, кроме нее, так как все они – ее невольницы, и она погружала их в пруд, и ни одна из девушек не могла протянуть к ней руку, и, услышав ее слова, царевна потеряла надежду освободиться. И сестра Хасана поднялась и вышла от нее и, принеся роскошную одежду, одела девушку, а потом она принесла ей кое–чего поесть и попить и поела вместе с нею и стала успокаивать ее душу и рассеивать ее страх. И она уговаривала ее мягко и ласково и говорила ей: "Пожалей того, кто взглянул на тебя одним взглядом и стал убитым любовью к тебе", – и успокаивала ее и умиловляла, употребляя прекрасные слова и выражения. И девушка плакала, пока не взошла заря, и душа ее успокоилась, и она перестала плакать, когда поняла, что попалась и освобождение невозможно.

И тогда она сказала сестре Хасана: "О царевна, так судил Аллах моей голове, что буду я на чужбине и оторвусь от моей страны и родных и сестер. Но прекрасно терпение в том, что судил мой господь". И потом сестра Хасана отвела ей комнату во дворце, лучше которой там не было, и оставалась у нее, утешая ее и успокаивая, пока она не сделалась довольна, и ее грудь расправилась, и она засмеялась, и прошло ее огорчение и стеснение в груди из–за разлуки с ее близкими и родиной и разлуки с сестрами, родителями и царством.

И сестра Хасана вышла к нему и сказала: "Поднимайся, войди к ней в комнату и поцелуй ей руки и ноги". И Хасан вошел и сделал это, а потом он поцеловал девушку между глаз и сказал ей: "О владычица красавиц, жизнь души и улада взирающих, будь спокойна сердцем. Я взял тебя лишь для того, чтобы быть твоим рабом до дня воскресенья, а эта моя сестра твоя служанка, и я, о госпожа, хочу только взять тебя в жены, по обычаю Аллаха и посланника его, и отправиться в мою страну, и будем мы с тобой жить в городе Багдаде, и я куплю тебе невольниц и рабов, и есть у меня мать из лучших женщин, которая будет служить тебе, и нет нигде страны прекраснее, чем наша страна, и все, что есть в ней, лучше, чем во всех других странах и у других людей. И ее жители и обитатели – хорошие люди со светлыми лицами".

И когда он развлекал девушку и разговаривал с нею, а она не обращалась к нему ни с одним словом, вдруг кто–то постучал в ворота дворца. И Хасан вышел посмотреть, кто у ворот, и вдруг оказалось, что это девушки вернулись с охоты и ловли. И Хасан обрадовался и встретил и приветствовал их, и девушки пожелали ему благополучия и здоровья, и Хасан тоже пожелал им этого, а потом они сошли с коней и вошли во дворец, и каждая из них пошла к себе в комнату и, сняв бывшие на ней поношенные одежды, облачилась в красивые материи. Л они выезжали на охоту и ловлю и поймали много газелей, диких коров, зайцев, львов, гиен и других животных, и некоторых из них они привели на убой, а прочих оставили у себя во дворце. И Хасан стоял между ними и, Затянув пояс, убивал для них, а девушки играли и веселились и радовались сильной радостью.

А когда покончили с убоем животных, девушки сели, чтобы приготовить что–нибудь на обед, и Хасан подошел к старшей девушке и поцеловал ее в голову и стал целовать в голову одну девушку за другой, и они сказали ему: "Ты слишком к нам снисходителен, о брат наш, и мы дивимся на твою крайнюю любовь к нам. Да не будет этого, о брат наш. Это мы должны так с тобой поступать, – ты ведь сын Адама, и они достойнее нас, а мы джинны". И глаза Хасана прослезились, и он заплакал сильным плачем, и девушки спросили его: "Что с тобой, о чем ты плачешь? Ты смутил нашу жизнь, заплакав в сегодняшний день, и похоже, что ты стосковался по твоей матери и твоей стране? Если дело обстоит так, мы тебя снарядим и отправимся с тобой на твою родину к любимым". – "Клянусь Аллахом, я желаю не разлуки с вами", – воскликнул Хасан. И девушки спросили: "Кто же из нас тогда тебя расстроил, что ты огорчился?" И Хасану было стыдно сказать: "Ничто меня не расстроило, кроме любви к девушке!" И он боялся, что сестры станут его порицать, и промолчал и не осведомил их ни о чем из своих обстоятельств.

И тогда его сестра поднялась и сказала им: "Он поймал птицу в воздухе и хочет, чтобы вы помогли ему ее приручить". И все девушки обратились к Хасану и сказали ему: "Мы все перед тобою, и чего бы ты ни потребовал, мы это сделаем. Но расскажи нам твою историю и не скрывай от нас ничего из твоих обстоятельств". И Хасан сказал своей сестре: "Расскажи им мою историю, мне стыдно, и я не могу обратиться к ним с такими словами..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто первая ночь

Когда же настала семьсот девяносто первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан сказал своей сестре: "Расскажи им мою историю, мне стыдно, и я не могу обратиться к ним с такими словами". И сестра Хасана сказала им: "О сестры, когда мы уехали и оставили этого беднягу одного, ему стало тесно во дворце, и он испугался, что кто–нибудь к нему войдет. Вы знаете, что ум у сыновей Адама легковесный, и он открыл дверь, ведущую на крышу дворца, когда стеснилась у него грудь и он остался один в одиночестве, и поднялся наверх и сидел там. И ей оказалось над долиной и стал смотреть в сторону ворот, боясь, что кто–нибудь направится но дворцу, и в один из дней, когда он сидел, вдруг подлетели к нему десять птиц, направляясь ко дворцу. И они летели до тех пор, пока не сели у пруда, который над Залой, и Хасан увидел птицу, которая была красивей всех, и она клевала других птиц, и ни одна из них не могла протянуть к ней руки, а затем птицы схватились когтями за воротники и, разодрав свои одежды из перьев, вышли из них, и каждая птица превратилась в девушку, подобную луне в ночь ее полноты. И они сняли бывшие на них одежды, – а Хасан стоял и смотрел на них, – и вошли в воду и принялись играть, и старшая девушка погружала их в воду, и ни одна из птиц не могла протянуть к ней руки, и эта девушка

## Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

была прекраснее всех лицом и стройнее станом и на ней были самые чистые одежды. И девушки продолжали так играть, а Хасан стоял и смотрел на них, пока не приблизилась предвечерняя молитва, и потом они вышли из пруда и, надев нижнюю одежду, оделись в свои одежды из перьев и завернулись в них и улетели. И душа Хасана увлеклась ими и загорелось его сердце огнем из-за старшей птицы, и он раскаивался, что не украл ее одежды из перьев, и заболел и остался наверху, ожидая ее, и отказался от пищи, питья и сна и оставался там, пока не блеснул новый месяц. И когда он так сидел, птицы вдруг прилетели, по своему обычаю, и сняли одежду и вошли в пруд, и Хасан украл одежду старшей девушки, и, поняв, что она может летать только в ней, взял ее и спрятал, боясь, что девушки его заметят и убьют. И потом он подождал, пока птицы улетели, и поднялся и схватил девушку и спустился из верхней части дворца". – "А где она?" – спросили ее сестры. И она сказала: "Она у него, в такой-то комнате". – "Опиши ее нам, сестрица", – сказали девушки. И сестра Хасана молвила: "Она прекраснее, чем луна в ночь полнолуния, и лицо ее сияет ярче солнца; ее слюна слаще меда, ее стан стройнее ветви, у нее черные глаза, и светлый лик, и блестящий лоб, и грудь, подобная драгоценному камню, и соски, подобные двум гранатам, и щеки, точно два яблока, и живот со свернутыми складками, и пупок, точно шкатулка из слоновой кости, мускусом наполненная, и пара ног, словно мраморные столбы. Она захватывает сердце насурьмленным оком и тонкостью худощавого стана, и тяжелым задом, и речью, исцеляющей больного, она красива стройностью, прекрасна ее улыбка, и подобна она полной луне".

И когда девушки услышали это описание, они обратились к Хасану и сказали ему: "Покажи ее нам". И Хасан поднялся, взволнованный любовью, и шел, пока не привел их к комнате, где находилась царевна. И он отпер ее и вошел впереди девушек, и они вошли сзади него, и, увидев царевну и узрев ее красоту, они поцеловали перед ней землю и удивились красоте ее образа и ее прекрасным свойствам. И они приветствовали ее и сказали: "Клянемся Аллахом, о дочь царя величайшего, это поистине вещь великая. Если бы ты слышала, какова слава этого юноши у женщин, ты бы дивилась на него весь твой век. Он привязан к тебе крайней привязанностью, но только, о царевна, он не ищет мерзости и добивается тебя лишь дозволенным образом. Если бы мы Знали, что девушки могут обойтись без мужчин, мы удержали бы его от того, к чему он стремится, хотя он не посылал к тебе посланца, а пришел сам: и он нам рассказал, что сжег одежду из перьев, а не то мы бы ее у него взяли".

И затем одна из девушек сговорилась с царевной и приняла полномочие на заключение брака, и заключила брак царевны с Хасаном, и тот взял ее за руку и вложил ее руку в свою, и девушка выдала ее за Хасана с ее дозволения, и устроили торжество, подобающее для царевен, и ввели Хасана к его жене. И Хасан поднялся, и открыл дверь, и откинул преграду, и сломал печать, и увеличилась его любовь к ней, и усилилось его влечение и страсть, и, достигнув желаемого, Хасан поздравил себя и произнес такие стихи:

"Чарует твой стройный стан, и черен твой томный взгляд,

И влагою прелести покрыто лицо твое.

Ты взорам моим предстала в виде прекраснейшем,

Там яхонт наполовину, треть тебя – изумруд.

А пятая часть – то мускус; амбра – шестая часть,

И жемчугу ты подобна, нет, ты светлей его.

И Ева не родила подобных тебе людей,

И в вечных садах найти другую, как ты, нельзя.

Коль хочешь меня пытаться, – обычай таков любви,

А хочешь меня простить, так выбор ведь дан тебе.

Земли украшение, желаний моих предел,

Кто против красоты твоей, прекрасная, устоит?.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто вторая ночь

Когда же настала семьсот девяносто вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан вошел к царевне и уничтожил ее девственность, он наслаждался с нею великим наслаждением, и увеличилась его любовь и влечение к ней. И он произнес о ней стихи, упомянутые выше, а девушки стояли у двери, и, услышав эти стихи, они сказали: "О царевна, ты слышала слова этого человека? Как ты упрекаешь нас, когда он произнес эти стихи из любви к тебе?"

И, услышав это, царевна повеселела, развеселилась и обрадовалась. И Хасан провел с нею сорок дней, счастливый и радостный, наслаждаясь и блаженствуя, и девушки каждый день доставляли ему новую радость и счастье, подарки и редкости, и он жил среди них в радости и веселье. И понравилось царевне жить с ними, и она забыла свою семью.

А потом, через сорок дней, Хасан спал и увидел свою мать, которая печалилась о нем, и кости ее стали топки, и тело ее исхудало, и цвет ее лица пожелтел, и состояние ее изменилось, а он был в хорошем состоянии. И когда его мать увидела его в таком состоянии, она сказала ему: "О дитя мое, о Хасан, как ты живешь на свете, благоденствуя, и забыл меня? Посмотри, каково мне после тебя: я тебя не забываю, и язык мой не перестанет поминать тебя, пока я не умру. Я сделала тебе у себя в доме могилу, чтобы никогда не забыть тебя. Посмотреть бы, доживу ли я, о дитя мое, до того, что увижу тебя со мною и мы снова будем вместе, как были".

И Хасан пробудился от сна, плача и рыдая, и слезы текли по его щекам, как дождь, и стал он грустным и печальным, и слезы его не высыхали, и сон не шел к нему, и он не находил покоя, и не осталось у него терпения. А когда наступило утро, вошли к нему девушки и пожелали ему доброго утра и стали с ним забавляться по своему обычаю, но Хасан не обращал на них внимания. И они спросили его жену, что с ним, и она ответила: "Не знаю". И тогда девушки сказали ей: "Спроси его, что с ним?" И царевна подошла к нему и спросила: "Что случилось, о господин мой?" И Хасан вздохнул и затосковал и рассказал ей, что он видел во сне, а потом он произнес такие два стиха:

"Смущены мы, что делать нам, мы не знаем,

И к сближенью желанному нет дороги.

Умножает над нами жизнь беды страсти,

Что легко в ней, то кажется нам тяжелым".

И жена Хасана рассказала девушкам, что он ей говорил, и, услышав эти стихи, они пожалели Хасана в его положении и сказали: "Сделай милость! Во имя Аллаха! Мы не властны запретить тебе посетить твою мать, а напротив, поможем тебе в посещении ее всем, чем можем. Но тебе следует не забывать нас и посещать хотя бы один раз в год". И Хасан ответил: "Слушаю и повинуюсь!"

И девушки тотчас же поднялись и приготовили ему пищу и снабдили новобрачную одеждой, украшениями и всякими дорогими вещами, перед которыми бессильны описания, и приготовили Хасану редкости, которые не могут перечислить перья. И потом они ударили в

## Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

барабан, и пришли к ним отовсюду верблюды, и они выбрали из них нескольких, чтобы везти все то, что они собрали, и посадили девушку с Хасаном и погрузили с ними двадцать пять престолов золотых и пятьдесят серебряных. И они ехали с ними три дня, покрыв расстояние в три месяца, а затем простились с уезжавшими и хотели возвратиться. И маленькая сестра Хасана обняла его и плакала, пока ее не покрыло беспмятство, а очнувшись, она произнесла такие два стиха:

"Пусть вовсе не будет дня разлуки

Для глаз не оставил он дремоты!

Расстаться заставил нас с тобою,

И силы разрушили нам, и тело".

А окончив свои стихи, сестра Хасана простилась с ним и подтвердила, что, когда он достигнет своей страны и встретится с матерью и его сердце успокоится, он не должен лишать свою сестру встречи с ним один раз в шесть месяцев, и сказала ему: "Когда что-нибудь тебя озаботит или ты испугаешься дурного, ударь в барабан мага: к тебе явятся верблюды. И ты садись и возвращайся к нам и не оставайся вдали от нас". И Хасан поклялся ей в этом и стал заклинать девушек, чтобы они воротились, и девушки воротились, попрощавшись с Хасаном, и были опечалены разлукой с ним, и больше всех печалилась его маленькая сестра – она не находила покоя, и терпение ей не повиновалось, и она плакала ночью и днем.

Вот что было с ними. Что же касается Хасана, то он ехал все ночи и дни, пересекая со своей женой степи и пустыни, долины и кручи, в полдневный зной и на заре, и предначертал им Аллах благополучие, и они уцелели и достигли города Басры и ехали до тех пор, пока не поставили своих верблюдов на колени у ворот дома Хасана. И потом Хасан отпустил верблюдов и подошел к воротам, чтобы отпереть их, и услышал, что его мать плачет тоненьким голосом, исходящим из истомленного сердца, вкусившего пытку огнем, и произносит такие стихи:

"О, кто может сон вкусить, когда и дремоты пет,

И ночью он бодрствует, а люди заснули.

И деньги и славу он имел, и велик он был,

И стал одиноким он в стране чужеземцев,

Меж ребер его горящий уголь, и тихий стой,

И горесть великая – сильнее не бывает.

Волненье владеет им, волненье ведь властелин,

И плачет, страдая, он, но стоек в страданиях.

Его состояние в любви повествует нам,

Что грустен, печален он, а слезы – свидетель".

И Хасан заплакал, услышав, что его мать плачет и рыдает, а затем он постучал в ворота устрашающим стуком. И его мать спросила: "Кто у ворот?" И Хасан ответил ей: "Открывай!" И она открыла ворота и посмотрела на Хасана и, узнав его, упала, покрытая беспмятством. И Хасан до тех пор ухаживал за ней, пока она не очнулась, и тогда он обнял ее, и она обняла его и стала целовать. И потом он принялся переносить вещи и пожитки внутрь дома, а молодая женщина смотрела на Хасана и его мать. И мать Хасана, когда ее сердце успокоилось и Аллах свел ее с сыном, произнесла такие стихи:

"Пожалело время меня теперь

И скорбит о том, что в огне горю.

Привело оно, что хотела я,

Прекратило то, что страшит меня,

Я прощу ему прегрешения,

Совершенные в годы прошлые,

И прощу ему также тот я грех,

Что седа теперь голова моя..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто третья ночь

Когда же настала семьсот девяносто третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что мать Хасана села с ним и они принялись разговаривать, и мать стала его спрашивать: "Каковы были твои дела с персиянином, о дитя мое?" И Хасан отвечал ей: "О матушка, он был не персиянин, нет, он был маг и поклонялся огню вместо всевластного владыки".

И он рассказал ей, что персиянин с ним сделал, и как он уехал с ним и положил его в шкуру верблюда и зашил его в нее, и понесли его птицы и положили на гору. И рассказал ей, что он видел на горе мертвых людей, с которыми маг устраивал хитрости и оставлял их на горе после того, как они исполняли его желания, и поведал, как он кинулся в море с вершины горы, и сохранил его Аллах великий и привел во дворец девушек, и как одна из девушек побраталась с ним, и он жил с девушками, и как Аллах привел мага в то место, где он находился, и как он убил его. И рассказал ей о своей любви к девушке и о том, как он поймал ее, и сообщил матери всю ее историю до того, как Аллах свел их друг с другом.

И, услышав эту историю, его мать удивилась и прославила великого Аллаха за здоровье и благополучие Хасана, а затем она подошла ко вьюкам и посмотрела на них и спросила про них Хасана. И Хасан рассказал ей, что в них находится, и она обрадовалась великой радостью. И она подошла к молодой женщине и стала приветливо с ней разговаривать, и когда ее взоры упали на эту женщину, ум ее был ошеломлен ее красотой, и она радовалась и дивилась красоте женщины и ее прелести, и стройности, и соразмерности. "О дитя мое, – сказала она потом, – хвала Аллаху за благополучие и за то, что ты вернулся невредимый!" И затем мать Хасана села рядом с женщиной и стала ее развлекать и успокаивать ее душу, а утром следующего дня она пошла на рынок и купила десять перемен самого лучшего, какое было в городе, платья, и принесла девушке великолепные ковры и одела ее и убрала всякими красивыми вещами. А затем она обратилась к своему сыну и сказала: "О дитя мое, мы с такими деньгами не можем жить в этом городе. Ты знаешь, что мы бедняки, и люди заподозрят нас в том, что мы делаем алхимию. Встанем же и отправимся в город Багдад, Обитель Мира, – чтобы жить в святыне халифа. И ты будешь

## Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

сидеть в лавке и продавать и покупать, опасаясь Аллаха, великого, славного, и откроет тебе Аллах удачу этим богатством".

И, услышав слова своей матери, Хасан нашел их правильными, и тотчас же поднялся и вышел от нее и продал дом и, вызвав верблюдов, нагрузил на них все свои богатства и мать и жену, и поехал. И он ехал до тех пор, пока не доехал до Тигра, и тогда он нанял корабль в Багдад и перенес на него все свои богатства и вещи, и мать, и жену, и все, что у него было. И затем он сел на корабль, и корабль плыл с ними, при хорошем ветре, в течение десяти дней, пока они не приблизились к Багдаду. И, приблизившись к Багдаду, они обрадовались, и корабль подошел с ними к городу. И Хасан, в тот же час и минуту, отправился в город и нанял склад в одном из ханов, а потом он перенес туда свои вещи с корабля и пришел и провел одну ночь в хане. А наутро он переменял бывшую на нем одежду, и посредник, увидав его, спросил, что ему нужно и что он хочет, и Хасан сказал: "Я хочу дом, который был бы прекрасен, просторен". И посредник показал ему дома, о которых он знал. И Хасану понравился один дом, принадлежавший кому-то из везирей, и он купил его за сто тысяч золотых динаров и отдал посреднику его цену. А затем он вернулся в хан, в котором остановился, и перенес все свои богатства и вещи в тот дом, и пошел на рынок, и взял то, что было нужно для дома из посуды, ковров и другого, и купил слуг, в числе которых был маленький негр для дома.

И он спокойно прожил со своей женой самой сладостной жизнью, в радости, три года, и ему досталось от нее два мальчика, и одного из них он назвал Насиром, а другого – Мансуром. А после этого времени он вспомнил своих сестер–девушек и вспомнил о их благодеяниях и как они помогали ему в том, к чему он стремился, и его потянуло к ним. И он вышел на рынки города и купил там дорогих украшений и материй и сухих плодов, подобных которым они никогда не видали и не знали.

И когда его мать спросила его о причине покупки этих редкостей, он сказал ей: "Я намерен поехать к моим сестрам, которые сделали мне всякое добро. Ведь достаток, в котором я живу, – от их благодеяний и милостей. Я хочу к ним поехать и посмотреть на них и скоро вернуться, если захочет Аллах великий". – "О дитя мое, – сказала ему мать, – не пропадай". И Хасан сказал: "Знай, о матушка, как тебе поступать с моей женой. Ее одежда из перьев – в сундуке, зарытом в землю; береги же ее, чтобы моя жена ее не нашла. А не то она возьмет ее и улетит, вместе с детьми, и они исчезнут, и я не смогу напасть на весть о них и умру из-за них в тоске. Знай, о матушка, я предостерегаю тебя, чтобы ты ей об этом не говорила. И знай, что она дочь царя джиннов, и нет среди царей джиннов никого больше ее отца и богаче его войсками и деньгами. Знай также, что она – госпожа своего племени и дороже всех для отца, так что она очень горда душою. Служи же ей ты сама и не позволяй ей выходить за ворота и выглядывать из окна или из-за стены: я боюсь для нее даже воздуха, когда он веет, и если с ней случится дело из дел земной жизни, я убью себя из-за нее". "Храни Аллах от послушания тебя, о дитя мое! – сказала мать Хасана. Бесноватая я разве, чтобы ты дал мне такое наставление, и я бы тебя послушалась? Поезжай, о дитя мое, и будь спокоен душой. Ты вернешься во благо и увидишь ее, если захочет Аллах великий, и она расскажет тебе, что у нее со мной было.

Но только, о дитя мое, не сиди там больше времени, чем нужно на дорогу..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто четвертая ночь

Когда же настала семьсот девяносто четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан захотел поехать к девушкам, он наказал своей матери беречь его жену, как мы упоминали, и его жена, по предопределенному велению, слышала, что он говорил матери, а они этого не знали.

И потом Хасан поднялся и вышел за город и постучал в барабан, и явились к нему верблюды, и он погрузил двадцать тюков редкостей из Ирака и простился со своей матерью и женой и детьми, и одному из его детей было жизни год, а другому – два года. И Хасан снова обратился к своей матери и еще раз дал ей наставление, а потом он сел и поехал к своим сестрам и непрерывно, ночью и днем, ехал по долинам, горам, гладям и кручам в течение десяти дней. А на одиннадцатый день он приехал ко дворцу и вошел к своим сестрам, неся с собою то, что он им привез. И, увидав его, девушки обрадовались и поздравили его со спасением, а что касается его маленькой сестры, то она украсила дворец и снаружи и внутри. И затем они взяли подарки и сложили их в комнате, как обычно, и спросили Хасана про его мать и жену, и он рассказал им, что жена родила от него двоих сыновей. И когда его маленькая сестра увидала, что Хасан здоров и благополучен, она сильно обрадовалась и произнесла такой стих:

"И спрашиваю я ветер про вас, как проходит он.

И в сердце моем другой, чем вы, не является".

И Хасан провел у них в гостях, пользуясь почетом, три месяца, и он радовался, веселился, блаженствовал и наслаждался, занимаясь охотой и ловлей, и вот какова была его история.

Что же касается истории его матери и жены, то, когда Хасан уехал, жена его провела с его матерью один день и другой, а на третий день она сказала ей: "Слава Аллаху! Неужели я живу с ним три года, не ходя в баню", – и заплакала. И мать Хасана пожалела ее и сказала: "О дочка, мы здесь чужеземцы, и твоего мужа нет в городе. Будь он здесь, он бы позаботился услужить тебе, а что до меня, то я никого не знаю. Но я погрею тебе воды, о дочка, и вымою тебе голову в домашней бане". – "О госпожа! – воскликнула жена Хасана, – если бы ты сказала эти слова какой-нибудь из невольниц, она бы потребовала, чтобы ты продала ее на рынке, и не стала бы жить у вас. Но мужчинам, о госпожа, простительно, так как они ревнивы и их ум говорит им, что, если женщина выйдет из дома, она, может быть, сделает мерзость. А женщины, о госпожа, не все одинаковы, и ты знаешь, что, если у женщины есть какое-нибудь желание, ее никто не осилит и не убережет и не охранит и не удержит ее ни от бани, ни от чего другого, и она сделает все, что изберет".

И потом она стала плакать и проклинать себя и причитать о себе и о своем изгнании, и мать ее мужа сжалилась над ее положением и поняла, что все, что она говорила, неизбежно случится. И она поднялась и приготовила вещи для бани, которые были им нужны, и, взяв с собою жену Хасана, пошла в баню. И когда они пришли в баню и сняли одежду, все женщины стали смотреть на жену Хасана и прославлять Аллаха – велик он и славен! – и рассматривать созданный им прекрасный образ. И каждая женщина, которая проходила мимо бани, стала заходить в нее и смотреть на жену Хасана. И распространилась по городу молва о ней, и столпились вокруг нее женщины, так что в бане нельзя было пройти из-за множества бывших там женщин.

И случилось по дивному делу, что пришла в этот день в баню невольница из невольниц повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, по имени Тухфа–лютнистка. И увидела она, что женщины столпились и что в бане не пройдешь из-за множества женщин и девушек, и спросила в чем дело, и ей рассказали про ту женщину. И невольница подошла к ней и взглянула на нее и всмотрелась в нее, и ее ум смутился от ее красоты и прелести, и она прославила Аллаха – да возвысится величие его! – за созданные им прекрасные образы. И она не вошла в парильню и не стала мыться, а только сидела и смотрела, ошеломленная, на ту женщину, пока она не кончила мыться, и когда она вышла и надела свои одежды, она прибавила красоты к своей красоте. И, выйдя из парильни, жена Хасана села на ковры и на подушки, и женщины стали смотреть на нее, и она взглянула на них и вышла.

И Тухфа–лютнистка, невольница халифа, поднялась и шла за нею, пока не узнала, где ее дом. И тогда она простилась с нею и пошла обратно во дворец халифа. И она шла до тех пор, пока не пришла к Ситт–Зубейде. И тогда она поцеловала перед нею землю, и Ситт–Зубейда спросила: "О Тухфа, почему ты замешкалась в бане?" – "О госпожа, – ответила девушка, – я видела чудо, подобного которому не видала ни среди мужчин, ни среди женщин, и это оно отвлекло меня и ошеломило мне разум и так смутило меня, что я не вымыла себе головы". – "А что это за чудо, о Тухфа?" – спросила Ситт–Зубейда. И невольница ответила: "О госпожа, я видела в бане женщину, с которой было два маленьких мальчика, точно пара лун, и никто не видел ей подобной ни до нее, ни после нее, и нет подобного ее образу во всем мире. Клянусь твоей милостью, о госпожа, если бы ты осведомила о ней повелителя правоверных, он бы убил ее мужа и отнял бы ее у него, так как не найдется среди женщин ни одной такой, как она. Я спрашивала, кто ее муж, и мне сказали, что ее муж – купец по имени Хасан басрийский. И я провожала эту женщину от выхода из бани до тех пор, пока она не вошла в свой дом, и увидела, что это дом везира, у которого двое ворот, – ворота со стороны моря и ворота со стороны суши. И я боюсь, о госпожа, что услышит о ней повелитель правоверных

## Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

и нарушит закон и убьет ее мужа и женится на ней..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто пятая ночь

Когда же настала семьсот девяносто пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница повелителя правоверных, увидав жену Хасана басрийского, описала ее красоту СиттЗубейде и сказала: "О госпожа, я боюсь, что услышит о ней повелитель правоверных и нарушит закон и убьет ее мужа и женится на ней". И СиттЗубейда воскликнула: "Горе тебе, о Тухфа! Разве дошли красоты и прелести этой девушки до того, что повелитель правоверных продаст свою веру за земные блага и нарушит из-за нее закон? Клянусь Аллахом, я непременно должна посмотреть на эту женщину, и если она не такова, как ты говорила, я велю отрубить тебе голову. О распутница, во дворце повелителя правоверных триста шестьдесят невольниц, по числу дней в году, и нет ни у одной из них тех качеств, о которых ты упоминаешь!" – "О госпожа, – ответила Тухфа, – клянусь Аллахом, нет, и нет подобной ей во всем Багдаде; и даже больше – нет такой женщины среди неаравов и среди арабов, и не создал Аллах – велик он и славен! – такой, как она!"

И тогда Ситт–Зубейда позвала Масрура, и тот явился и поцеловал землю меж ее руками, и Зубейда сказала ему: "О Масрур, ступай в дом везиря тот, что с двумя воротами – ворота со стороны моря и ворота со стороны суши, – и приведи мне поскорее женщину, которая там живет – ее, и ее детей, и старуху, которая с нею, и не мешкай". И Масрур отвечал: "Внимание и повиновение!" – и вышел от Зубейды.

И он шел, пока не дошел до ворот того дома и постучал и ворота, и вышла к нему старуха, мать Хасана, и спросила: "Кто у ворот?" И Масрур ответил: "Масрур, евнух повелителя правоверных". И старуха открыла ворота, и Масрур вошел и пожелал ей мира, и мать Хасана возвратила ему пожелание и спросила его, что ему нужно. И Масрур сказал ей: "Ситт–Зубейда, дочь аль–Касима, жена повелителя правоверных Харуна ар–Рашида, шестого из сыновей аль–Аббаса, дяди пророка, – да благословит его Аллах и да приветствует! – зовет тебя к себе, вместе с женой твоего сына и ее детьми, и женщины рассказали ей про нее и про ее красоту". – "О Масрур, – смазала ему мать Хасана, – мы люди иноземные, и муж этой женщины – мой сын. Его нет в городе, и он не велел ни мне, ни ей выходить ни к кому из созданий Аллаха великого, и я боюсь, что случится какое–нибудь дело, и явится мой сын и убьет себя. Будь же милостив, о Масрур, и не возлагай на нас того, что нам невмочь". – "О госпожа моя, если бы я знал, что в этом есть для вас страшное, я бы не заставлял вас идти, но Ситт–Зубейда хочет только посмотреть на нее, и она вернется. Не прекословь же, – расскаешься. Как я вас возьму, гак и возвращу вас сюда невредимыми, если захочет Аллах великий".

И мать Хасана не могла ему перечить и вошла и приготовила женщину и вывела ее, вместе с ее детьми, и они пошли сзади Масрура – а он шел впереди них – во дворец халифа. И Масрур вошел с ними и поставил их перед Ситт–Зубейдой, и они поцеловали землю меж ее руками и пожелали ей блага, и молодая женщина была с закрытым лицом. И Ситт–Зубейда спросила ее: "Не откроешь ли ты своего лица, чтобы я на него посмотрела?" И женщина поцеловала перед нею землю и открыла лицо, которое смущает луну на краю неба. И когда Ситт–Зубейда увидела эту женщину, она пристально посмотрела на нее и прогулялась по ней взором, и дворец осветился ее светом и сиянием ее лица, и Зубейда оторопела при виде ее красоты, как и все, кто был во Дворце, и все, кто увидел ее, стали одержимыми и они могли ни с кем говорить.

И Ситт–Зубейда встала и поставила женщину на ноги и прижала ее к груди и посадила с собою на ложе и велела украсить дворец. А затем она приказала принести платье из роскошнейших одежд и ожерелье из самых дорогих камней и надела это на женщину и сказала ей: "О владычица красавиц, ты понравилась мне и наполнила радостью мне глаза. Какие ты знаешь искусства?" – "О госпожа, – отвечала женщина, – у меня есть одежда из перьев, и если бы я ее перед тобой надела, ты бы увидела наилучшее искусство и удивилась бы ему". – "А где твоя одежда?" – спросила Ситт–Зубейда. И женщина ответила: "Она у матери моего мужа. Попроси у нее для меня". – "О матушка, – сказала тогда Ситт–Зубейда, – заклиная тебя моей жизнью, сходи и принеси ее одежду из перьев, чтобы она показала нам, что она делает, а потом возьми ее снова". – "О госпожа, – ответила старуха, – она лгунья! Разве ты видела, чтобы у какой–нибудь женщины была одежда из перьев? Это бывает только у птиц". И женщина сказала Ситт–Зубейде: "Клянусь твоей жизнью, о госпожа, у нее есть моя одежда из перьев, и она в сундуке, что зарыт в кладовой нашего дома".

И тогда Зубейда сняла с шеи ожерелье из драгоценных камней, стоящее сокровищниц Кисры и кесаря, и сказала: "О матушка, возьми это ожерелье". И она подала ожерелье старухе и добавила: "Заклинаю тебя жизнью, сходи и принеси эту одежду, чтобы мы посмотрели на нее, а потом возьми ее". И мать Хасана стала клясться, что она не видела этой одежды и не знает к ней дороги. И тогда Ситт–Зубейда закричала на старуху и взяла у нее ключ и позвала Масрура и, когда тот явился, сказала ему: "Возьми этот ключ, ступай в их дом, отопри его и войди в кладовую, у которой такая–то и такая–то дверь, и посередине нее стоит сундук. Вынеси его и взломай и возьми одежду из перьев, которая лежит в нем и принеси ее ко мне..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.